

УДК 39

А.Ю. МАЙНИЧЕВА*, А.Н. КУЛАКОВ

**ЦЕРКОВЬ ВЛАДИМИРСКОЙ БОГОМАТЕРИ В БРАТСКЕ:
АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ СИБИРИ
XVII–XVIII вв.**

Анна Юрьевна Майничева,
д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, просп. Лаврентьева, 17
e-mail: annmaini@gmail.com
Александр Николаевич Кулаков,
директор ОАО Сибирский институт «Сибспецпроектреставрация»,
Новосибирский филиал
630091, Новосибирск, ул. Потанинская, 10а
e-mail: kulakoff@mail.ru

В статье на основе определения взаимосвязи общего этнокультурного контекста Сибири XVII–XVIII вв. с конкретизацией типа и стилистики церкви, анализа источников, выделения аналогов воссозданы архитектурные особенности деревянной церкви Владимирской Богоматери в Братском остроге. Церковь отнесена к типу теплых трехчастных клетских на два яруса. Забытое впоследствии бочечное наверхие кафоликона было в тот период распространено как на Русском Севере, так и в Среднем Приангарье. Внушительные размеры, архитектурные конструкции и детали храма соответствуют высокому статусу Братска, ставшего к концу XVII в. торговым и ремесленным центром большого хлебопроизводящего района.

Ключевые слова: этнокультурный контекст, клетская церковь, церковь Владимирской Богоматери, архитектурные особенности, бочка, реставрация, Среднее Приангарье, Сибирь, Русский Север, Братск.

A. Yu. MAINICHEVA*, A.N. KULAKOV

**THE CHURCH OF OUR LADY OF VLADIMIR IN BRATSK:
ARCHITECTURAL FEATURES IN THE ETHNIC-CULTURAL CONTEXT
OF SIBERIA IN THE XVII-XVIII CENTURIES**

Anna Yu. Mainicheva,
Doktor istoricheskikh nauk, Leading Research Fellow,
Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (IAET SB RAS),
Novosibirsk 630090, Lavrentiev Av., 17
e-mail: annmaini@gmail.com
Aleksandr N. Kulakov,
Director of the Novosibirsk Branch of Siberian Institute «Sibspetsproektrestavratiya»,
630091 Novosibirsk, ul. Potaninskaya, 10a
e-mail: kulakoff@mail.ru

The revival of church architecture made the researchers to readdress the task of searching for features and patterns of shaping, proportioning, and symbolics of church buildings. In such studies much attention is paid to the ethnic-cultural context, as it allows moving away from a descriptive approach to analyzing the stylistic characteristics of the building. The article deals with the results of reconstructing the appearance of the Church of Our Lady of Vladimir, which existed in the XVII-XVIII centuries in Bratsk, one of the first Russian cities in the Middle Angara region. In order to make such reconstruction scientifically valid the authors used special techniques and methods based on the sources analysis, searching for analogues, as well as on the assumption that the specific type and style of church architecture stood in close interdependence with the ethnic-cultural context

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-50-00036.

of Siberia in the XVII-XVIII centuries. The church reconstruction faced serious difficulties, including the lack of historical sources that could shed light on the architectural image of the church. S. Remezov's drawing is the only evidence, which allows reconstructing the architectural forms of the church in 1701. Its analysis shows the relative sizes and architectural appearance of the church. Search for analogues led to the conclusion that the most common church type in the Russian North in the XVII-XVIII centuries was a cellular church whose central part had a bochka-like cover. In the same region there were churches of a similar type – the Church of the Presentation in the Temple (1673) and that of the Kazan Icon of Our Lady (1679). The church is defined as a warm cellular one with a bochka-like cover of a catholicon and altar part. A refectory and a porch were covered with a two-sided roof. The church had a ternary structure. The church was designed with the 'Trinity scheme' in mind, which was typical of the wooden churches in the early and late Middle Ages, including the XVII century, so it determined the size of the church, forms of its parts, location and size of a porch, domes, windows, and doorways.

Key words: ethnic-cultural context, cellular church, Church of Our Lady of Vladimir, architectural features, bochka, restoration, Middle Angara region, Siberia, Russian North, Bratsk

Возрождение храмового зодчества вернуло научный интерес к поиску особенностей и закономерностей формообразования, пропорционирования, символики церковных зданий. Немалое значение в такого рода исследованиях приобретает изучение этнокультурного контекста, в котором существовала та или иная церковь, так как появляется возможность отойти от описательного подхода и рассмотрения стилевых характеристик здания. Особенно важно понимание этнокультурной специфики при реставрации и восстановлении утраченных образцов церковного зодчества прошлых эпох. В данной статье представлен опыт воссоздания облика церкви Владимирской Богоматери, существовавшей на рубеже XVII–XVIII вв. в Братске – одном из первых русских городов Среднего Приангарья. Для обеспечения научной обоснованности восстановления архитектуры храма авторы применили специальные приемы и методы, исходя из нескольких положений, среди которых можно назвать взаимосвязь общего этнокультурного контекста Сибири XVII–XVIII вв. с конкретикой типа и стилистики церкви, анализ источников, поиск аналогов.

Краеугольным камнем любой реставрации, как графической, так и натурной, является ответ на вопрос: «На какой период может быть выполнена реставрация?» Немалую роль в выборе такого периода играет наличие достоверных источников (письменных, изобразительных, археологических и пр.). Рассмотрение имеющихся сведений показало, что Братский острог был основан русскими первопроходцами в 1631 г. в устье р. Оки. Острог несколько раз переносили, пока весной 1654 г. отряд казаков под командой Д. Фирсова не поставил его на левом берегу р. Оки вблизи ее впадения в Ангару. Одновременно с острожными стенами и башнями была срублена надвратная часовня. В донесении Д. Фирсов писал: «...на воротах поставлена часовня... Острог мерою поставлен круг его 120 сажен печатных, а в работе были у острога Иван Козьмин да Василий Хорошей с товарищи» (цит. по: [1, с. 206]). Первую церковь в остроге соорудили в 1631 г. (по другим сведениям – в 1649 г.). При переносе острога на новое место, возможно, перенесли и церковь. В 1654 г. Д. Фирсов сообщал в Енисейск о заготовке леса: «нанято на церковный лес на шестьсот бревен дано тридцать рублей, да на четыреста тесниц дано двадцать

рублей...»¹. О церкви упоминается в связи с событиями лета того же года, когда произошла битва между бурятами и казаками, закончившаяся победой последних. В 1675 г. государев посланник в Китай Николай Спафарий записал: «В остроге церковь во имя Пресвятой Богородицы Владимирской» [1, с. 206]. На чертеже Семена Ремезова 1701 г. в своде Чертежной книги Сибири отчетливо читаются формы крупной церкви, занимающей почти все внутреннее пространство острога. В 1707 г. ее сменяет другая церковь, имеющая два престола: во имя Богоявления Господня в теплой части (с печью) и во имя Владимирской иконы Божией Матери – в холодной.

Можно констатировать, что реконструкция братской церкви столкнулась с серьезными трудностями, среди которых ведущую роль играет отсутствие хоть сколько-нибудь полного корпуса исторических источников, проливающих свет на архитектурный образ церкви. Описаний часовни, а затем и церкви во имя Пречистой Богородицы Владимирской, не имеется. Вместе с тем существует несколько изображений Братского острога, выполненных С.У. Ремезовым, находящихся в своде Чертежной книги Сибири, одно из которых относится к 1701 г. [1, с. 206]. На нем отчетливо читаются формы крупной двухъярусной трехчастной церкви с разновысокими объемами трапезной, кафоликона и алтаря, которая занимает почти все внутреннее пространство острога. Таким образом, чертеж С. Ремезова является единственным свидетельством, по которому можно судить о формах церкви. Авторы с доверием относятся к этому историческому документу, поскольку на многочисленных примерах доказана достоверность приводимых Ремезовым сведений об острогах и их постройках (см., напр.: [2]). Следуя принципу ориентировки на достоверные источники, авторы берут на себя смелость выполнить реконструкцию архитектурных форм церкви на 1701 г., поскольку более ранние адекватные свидетельства отсутствуют. В пользу предложенной реконструкции говорит и уже упомянутая отписка Д. Фирсова 1654 г. о количестве заготовленных на церковь бревен и тесниц, что косвенно указывает на предполагаемые размеры здания, обусловленные количеством лесоматериалов. В предложенной рекон-

¹ СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 325.

Рис. 1. Церковь Владимирской Богоматери в Братске. До 1707 г. Реконструкция А.Ю. Майничевой, А.Н. Кулакова. Компьютерная графика А.Н. Кулакова.

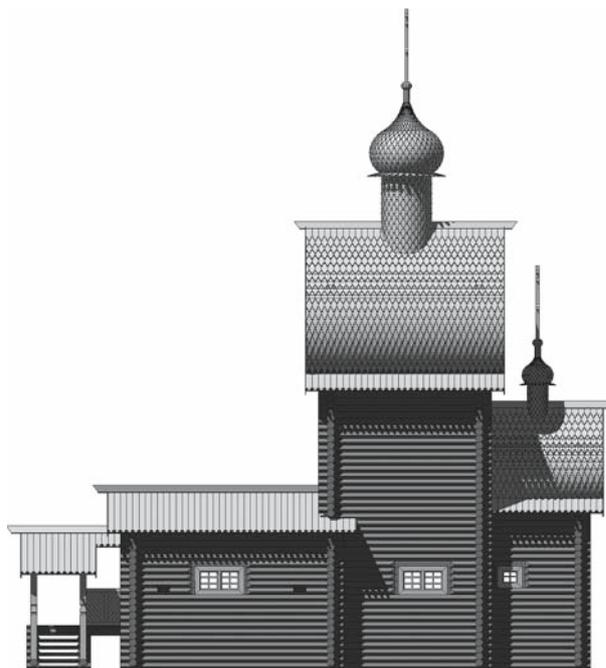

Рис. 2. Южный фасад церкви Владимирской Богоматери. Реконструкция А.Ю. Майничевой, А.Н. Кулакова. Компьютерная графика А.Н. Кулакова.

струкции здания церкви использовано именно столько материала.

Анализ чертежа С.У. Ремезова показывает не только относительные размеры церкви, но и особенности ее архитектурного облика. Структура церкви была традиционной: ее составляли анфиладно расположенные трапезная, собственно церковь (кафоликон), алтарная часть. На наличие двух ярусов кафоликона, самой высокой части, указывают два ряда окон. Алтарная часть существенно ниже его, еще более приземиста трапезная. К трапезной примыкает крыльцо со входами на обе стороны. Обращают на себя внимание покрытия. Сравнение с другими рисунками Ремезова привело к выводу о том, что крыльцо и трапезная братской церкви, несомненно, были крыты тесом на два ската. Также очевидно, что покрытие кафоликона не было скатным или шатровым.

Еще одним исходным пунктом воссоздания форм и образа зданий является поиск аналогов. Авторы придерживаются исходного посыла о том, что сибирская архитектура XVII в. органично связана с архитектурой Русского Севера. Во-первых, вследствие того, что на ранних этапах Сибирь осваивалась выходцами из северорусских территорий, приносивших свою культуру на новые земли, причем среди них были представители всех слоев населения, включая патриархов церкви; во-вторых, создание собственной архитектурно-строительной школы за краткий период первоначального освоения сибирских территорий

было невозможно; в-третьих, благодаря анализу имеющихся сохранных памятников архитектуры (как правило, подвергшихся музеефикации), письменных, изобразительных и прочих источников доказано множество совпадений в принципах построения и конструкциях зданий. Исследования последних лет также указывают на то, что во многих областях сибирской культуры сохранены северорусские черты (см., напр.: [3]). Поиск аналогов привел к тому, что выбор вариантов покрытия центральной части сузился до нескольких – клином, кубом или бочкой, которые были характерны для клетских церквей, строившихся в XVII в. Два первых были отвергнуты. Клинообразные церкви имели узкий ареал распространения, их количество исчислялось единицами, кубоватые церкви имели преимущественное распространение в более поздний период. Вместе с тем известно, что в деревянной архитектуре Русского Севера на рубеже XVII–XVIII вв. одним из распространенных типов церквей были клетские храмы, имевшие бочечные покрытия центральной части [4]. Интересно то, что они в большинстве случаев имели престолы во имя Богородицы, что согласуется и с сибирскими материалами, по которым все церкви этого типа были Богородичными. Не исключено, что для церкви Владимирской Богородицы в Братске было выбрано бочечное завершение. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения являются покрытия бочками кафоликонов, построенных в тот же период и располагавшихся

практически в том же регионе илимских церквей – Введенской (1673 г., по другим данным 1693 г.) и Казанской иконы Божией Матери (1679 г.). Предпочтение таких стилевых особенностей может говорить о том, что в Среднем Приангарье в изучаемый период существовали региональные особенности в храмовой архитектуре, что, вероятнее всего, было связано как с конкретным мастером или «ватагой» мастеров, так и с предпочтениями главы епархии, который был выходцем с Русского Севера [5, с. 63].

Правдоподобие и отражение реальных форм в ремезовских изображениях зданий, а также аналогии позволяют выполнить натурную реконструкцию церкви Братского острога, существовавшей до 1707 г. Понятно, что такая реконструкция, как и любая другая, является гипотетической, но она имеет серьезные основания.

Одним из существенных вопросов являются размеры церкви. Хотя площадь острога была невелика, по описаниям событий 1658 г. известно, что кроме церкви там были приказная и аманатская избы [6, с. 103], поварни для курения вина, баня, которые Похабов велел построить «вплоть до церкви» [7, с. 214]. Посмотрим по аналогам, каковы могли бы быть размеры жилых и хозяйственных построек. Так, в стандартный набор построек, например, двора Тобольского архиепископа середины XVII в., по сведениям материалов переписных и копийных книг Тобольского архиерейского дома 1620–1636 гг. [8, с. 17–19], входили следующие помещения (указано одно из линейных измерений и в скобках для удобства дан перевод в метрическую систему): горница 3,5 саж. (7,5 м), комната 3 саж. (6,4 м), сени 4 саж. (8,5 м), повалуша 3 саж., келья отхожая 2,5 саж. (5,3 м), сени 3 саж., погреб и ледник по 3 саж. с погребницей и сушилом наверху, поварня 6 саж. (12,8 м), изба поваренная 3 саж., изба для певчих дьяков и подьяков 3 саж., у ворот избушка 2 саж. (4,3 м), конюшня 6 саж. Как видно, набор жилых и хозяйственных построек весьма значителен, при их сравнительно небольших размерах. Кроме того, там находились и две немаленькие деревянные церкви (Софийский собор 1621–1624 гг. имел в длину около 6 саж. (более 12 м) и в ширину, без галереи и пристроенной колокольни, 5 саж. (10,8 м), церковь Похвалы Богородицы имела ширину 5 саж. (10,8 м), ее алтари – 4 саж. (8,6 м). По росписи же размер двора составлял 30 саж. [8, с. 17–19]. Деревянные постройки Братского острога 1736 г., по свидетельству И. Гмелина, который их нашел «старыми и ветхими» (т.е. уже отслужившими более 25–30 лет, по опыту срока сохранности бревенчатых построек, т.е. построенных в конце XVII в.), размещались на территории в те же 30 саж. [9, с. 115]. Все это говорит о несомненной затесненности застройки острога, но вполне реально и размещение там церкви с длиной в 7–9 саж., шириной в 3–4 саж.

Насколько нарядной и замысловатой могла быть архитектура церкви? Ответ на этот вопрос можно поискать в сфере материального обеспечения. Как упоминалось ранее, на материалы для возведения церк-

ви в Братске давалось 30 руб. и 20 руб., а плотникам было назначена плата в 20 руб.², т.е. общая стоимость строительных работ должна была составить 70 руб. Насколько эта сумма соотносится с другими данными?

Если сравнивать уровень денежного обеспечения и стоимостей XVII в., то годовое жалованье подьячего (высокооплачиваемого чиновника в приказах и местных государственных учреждениях) составляло 25 руб. [10, с. 55]. Больше его получал только голова – 30 руб. Дети боярские в год получали жалованья по 10 руб., конные казаки по 7 руб. [9, с. 55–56]. Приведем некоторые данные о стоимости дворов с надворными постройками. Так, томский житель Иван Тихонов продал двор с подворной огородной землей со строениями (изба, против нее клеть, меж ними сени, двор в заплоте), длинник 21 саж., поперечник 3 саж., за 2 руб.³ Томский казачий сын Карп Матвеев сын Грязной поступился своим двором с пашенной своей землей за 1,5 руб.⁴ Вдова Марфа Иванова дочь Ивановская, жена Афанасьева, продала за 4 руб. двор со всяким дворовым строением и огородом. На дворе были хоромные строения: изба да клеть промеж их сени, позади огород. Мера двору 20 саж. печатных в длину, поперечнику 4 саж. Огородного места отдельно 5 саж.⁵ Пелагея Юдина дочь Петровская, жена Балахнина, за 7 руб. продала двор с хоромным строением: изба да клеть меж ними сени, изба ветхая, под ней погреб. Двор в заплоте, огород в частоколе. Длина двора составляла 18 саж., ширина 8 саж.⁶ И самая дорогая и очень редкая была продажа двора конного казака Григория – 30 руб. На дворе стояли изба, против нее клеть, меж ними сени. Двор в заплоте, огород в частоколе. Под клетью находился погреб, в огороде – баня с предбанником, амбар хлебный. Размеры участка – 35 на 11 саж.⁷

Стоимости же строительных работ и материалов были таковы. За постройку на башне колокольни плотнику Федотке Калинину с товарищи заплатили 1 руб. 16 алтын 4 деньги [10, с. 110]. За постройку коча (постройкой судов также занимались плотники) выдавали 20 руб., 8-саженного дошаника – 10 руб., барки 10-саженной – 15 руб. [11, с. 136]. Служилому человеку Ивашке Тетеркину за 40 драниц, которые были предназначены для кровли государева солодового овина, дали 3 алтына. «Жилецким людям» Васке Кондинскому и Трофимке Федорову заплатили за сруб в двенадцать венцов для башни подгорного острога 1 руб. 26 алтын 4 деньги [10, с. 101]. Таким образом, сумма в 70 руб., включавшая стоимость материалов в 50 руб., была значительной – вполне достаточной для возведения внушительного храма.

² СПФ АРАН. Ф. 22. Оп. 4. Д. 22. Л. 325 об.

³ РГАДА СП. Оп. 5. Кн. 1452. Л. 299 об.

⁴ Там же. Л. 301 об.

⁵ Там же. Л. 310 об.

⁶ Там же. Л. 316 об.

⁷ Там же. Л. 318–318 об.

Кроме материальных возможностей для строительства, требовалось еще желание возвести здание, соответствующее представлениям о должном и достойном самих заказчиков. Поскольку согласно документам строителями церкви были служилые люди из Енисейска, следует сказать несколько слов об этом городе. По сибирским меркам недалеко от Братска находился Енисейск с многочисленными деревянными церквями, которые уже в первой половине XVIII в. были перестроены в каменные (их насчитывалось более десяти). В XVII в. Енисейск стал центром развитого пашенного земледелия и ремесленного производства, там получили развитие редкие для Сибири специальности, например, колокольное и часовое производство. Енисейский острог – важный торгово-транспортный центр, в 1640 г. по енисейской дороге из Тобольска на восток проезжало около 70 % всего торгово-промышленного «отпуска». Город уже в XVII в. стал важным культурным центром, на его рынках продавались книги, сложилась местная школа живописи, работали ювелиры и косторезы, велась городская летопись. Археологические находки свидетельствуют о том, что его жители играли в шахматы [9, с. 136]. Выходцы из Енисейска, благодаря которым была построена церковь в Братске, были не только высококультурные, но и уважающие себя и не бедные люди; они не только могли позволить себе строительство церкви в Братске, но и желали «устроить ее наилучшим образом».

Что же представлял собой Братск, выстроенный вначале как военная крепость? К концу XVII в. он стал центром большого хлебопроизводящего района. Напомним, что реконструкция церкви была выполнена на основании чертежа С. Ремезова 1701 г., значит, церковь существовала и в конце XVII в. Братск занимал выгодное географическое положение: от него шли пути к Ледовитому океану, в Якутию, к Амуру, Охотскому морю, в Даурию, Монголию и Китай. Через него проходили купеческие караваны, здесь была учреждена «государева» таможня, устроена судовой верфь. Во второй половине XVII в. были открыты богатые месторождения высококачественных железных руд. Было развито кузнечное дело, причем освоено производство замков, требующее особого мастерства. Высокого уровня достигли плотницкое дело и деревообработка [9, с. 116]. Все это свидетельствует о том, что для строительства внушительного, простого и красивого здания церкви Пречистой Владимирской Богородицы имелись и достаточные материальные, и ментальные, обусловленные этнокультурной спецификой, условия.

Учитывая этнокультурный контекст, особенности храмового зодчества, имеющиеся письменные и изобразительные источники, была предложена внутренне непротиворечивая и отвечающая всем характерным особенностям феномена сибирской архитектуры XVII – начала XVIII в. реконструкция храма. Церковь определена как теплая клетская на два яруса с бочечным навершием кафоликона и алтарной

части. Трапезная и крыльцо на два схода крыты двускатной кровлей. Структура церкви трехчастная, четырехугольные алтарная часть, собственно церковь и трапезная сочленены анфиладой. Подквадратность алтарной части связана с характерными особенностями клетских церквей, подавляющее большинство имеет такую форму плана. Метрический строй выполнен пропорционально, с соотношением частей по принципу «золотого сечения» по аналогии со Спасской церковью из Зашиверска, находящейся в Историко-архитектурном музее ИАЭТ СО РАН, единственным сохранившимся деревянным трехчастным храмом XVII в. План церкви построен с учетом «схемы Троицы», характерной для деревянных церквей раннего и позднего средневековья, включая XVII в., что определило основные размеры церкви, формы ее частей, расположение и размер глав, окон, дверных проемов, крыльца.

Таким образом, следуя логике этнокультурных особенностей Сибири в XVII–XVIII вв. и принимая во внимание все известные источники и возможные аналогии, оказалось возможным определить тип и воссоздать архитектурные особенности облика церкви Владимирской Богоматери в Братске.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Калинина И.В.* Православные храмы Иркутской епархии XVII – начало XX века: Науч.-справ. издание. М.: Галарт, 2000. 496 с.
2. *Майничева А.Ю.* Изображения русских сибирских крепостей XVII – начала XVIII // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: материалы Всероссийской (с междунар. участием) научной конференции. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. С. 168–172.
3. *Фурсова Е.Ф., Пермиловская А.Б., Черных А.В., Зуев А.С., Люцидарская А.А., Майничева А.Ю., Глухих Е.И., Голомянов А.И.* Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. 296 с.
4. *Шаповалова Л.Г.* Каргопольские храмы с бочечным завершением // Материалы IX научной конференции в Каргополе «Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования». Каргополь, 2006. С. 204–213.
5. *Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут: Северный дом, 1993. 463 с.
6. *Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л.: Соцэкгиз, 1937. С. 428.
7. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. 493 с.
8. *Майничева А.Ю.* Деревянные церкви Сибири XVII века: Формы, символы, образы. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2000. 64 с.
9. *Резун Д.Я., Васильевский П.С.* Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. 304 с.
10. Томск в XVII веке: Документы и материалы. Приходные и расходные книги Томского города 30-х гг. XVII в. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. 186 с.
11. *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII веке: Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск: Ред.-изд. отдел СО АН СССР, 1965. 298 с.

REFERENCES

1. Kalinina I.V. Orthodox churches of Irkutsk diocese in 17th – beginning of 20th century: scientific reference book. M.: Galart, 2000. 496 p. (In Russ.)
2. Mainicheva A.Yu. Images of Russian Siberian fortresses of 17th – beginning of 18th centuries. *Arhaicheskoe i traditsionnoe iskusstvo: problemy nauchnoy i hudozhestvennoy interpretatsii: materialy Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii*. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2014, pp. 168–172. (In Russ.)
3. Fursova E.F., Permilovskaya A.B., Chernykh A.V., Zuev A.S., Liutsidarskaya A.A., Maynischeva A.Yu., Glukhikh E.I., Golumyanov A.I. Siberia and the Russian North: Migration and ethno-cultural interactions. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, 2014. 296 p. (In Russ.)
4. Shapovalova L.G. Kargopol temples with ‘bochka’ completion. *Materialy IX nauchnoy konferentsii v Kargopole Istoriko-kulturnoe nasledie Russkogo Severa. Problemy izucheniya, sohraneniya i ispolzovaniya*. Kargopol, 2006, pp. 204–213. (In Russ.)
5. Sheglov I.V. A chronological list of the most important data of the history of Siberia: 1032–1882. Surgut: Severnyiy dom, 1993, 463 p. (In Russ.)
6. Okladnikov A.P. Essays on the History of Western Buryat-Mongol (17–18th centuries.). L.: Sotsekgiz, 1937. 428 p. (In Russ.)
7. Collection of Documents on the History of Buryatia. 17th century. Ulan-Ude, 1960. Vyp. 1. 493 p. (In Russ.)
8. Mainicheva A.Yu. Wooden churches in Siberia 17th century: shapes, symbols, images. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii, 2000. 64 p. (In Russ.)
9. Rezun D.Ya., Vasilevsky R.S. Annals of the Siberian cities. Novosibirsk: Novosib. kn. izd-vo, 1989. 304 p. (In Russ.)
10. Tomsk in the XVII century: Documents and Materials. Incoming and outgoing books of Tomsk city. 1630th. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2005. 186 p. (In Russ.)
11. Kopylov A.N. The Russians on the Yenisei River in the 17th century: Agriculture, industry and trade ties of Yenisei County. Novosibirsk: Red.-izd. otdel SO AN SSSR, 1965. 298 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 26.02.2015*

УДК 392.81

А.А. БАДМАЕВ

СИСТЕМА ПИТАНИЯ КУДАРИНСКИХ БУРЯТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.*

Андрей Андреевич Бадмаев,
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Институт археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ СО РАН)
630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17
e-mail: badmaevaa@ngs.ru

В статье рассматривается система питания кударинских бурят в конце XIX – начале XX в. Юго-Восточного Прибайкалья. Прослеживается зависимость их системы питания от структуры хозяйства, которое имело комплексный характер. Показано, что негативные последствия землетрясения 1862 г. и эпизоотия 1870 г. вызвали затяжной спад скотоводческой экономики кударинских бурят и привели к модификации структуры их питания. Изменилась структура их домашнего стада: к 1890-м гг. она приблизилась к структуре стада оседлого населения.

Система питания кударинских бурят второй половины XIX в. относилась к скотоводческо-зерновому классу – с преобладанием доли продуктов животноводческого происхождения над остальными группами пищевых продуктов. Сохраняя традиционные этнические черты, она включила и ряд заимствований из русской кухни и утвари.

Ключевые слова: буряты, Юго-Восточное Прибайкалье, этнотерриториальная группа, традиционное хозяйство, система питания

А.А. BADMAEV

THE FOOD SYSTEM OF KUDARIN BURYATS IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Andrei A. Badmaev,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS (IAE SB RAS)
17 Akademician Lavrentiev Av., Novosibirsk, 630090
e-mail: badmaevaa@ngs.ru

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-28-00045.